

Глава 1

Солнце, море, запах лета и магнолий — это белый стих. И только женщина может вдохнуть в эти строки поэзию, вселить в них душу, придать смысл. И чем красивее женщина, тем романтичнее будет звучание этих строк. Игнат улыбнулся, глядя на девушек: одна другой краше, блондинка уже в купальнике, в обнимку с надувным матрасом, шатенка в сарафане с открытыми плечами. И обе свободны. Ни детей с ними, ни мужей, да и молоды они слишком для того, чтобы обзавестись семьей. Взгляды у них ищущие, но не алчущие, их манят романтические приключения, но никак не романы на стороне. Некому им еще изменять.

Судя по загару, обе девицы не первый день на отдыхе. Блондинка уже успела обгореть, краснота еще не совсем сошла. Шатенке повезло больше, загар у нее здоровый, с бронзовым оттенком. Кожа нежная, чистая, наверняка приятная на ощупь.

Игнат не стал ничего говорить, всего лишь смело улыбнулся, задержав на шатенке взгляд. Девушки заметно смутились, блондинка нахмурилась, заметив его взгляд, адресованный подружке. Видимо, девушка привыкла быть в центре внимания, а тут ее вдруг обошли стороной. Будет загорать на пляже и думать, что это за парень такой попался им. И на тропинку будет поглядывать, вдруг Игнат захочет спуститься к ней. А он спустится с горы на пляж, обязательно спустится. И кого-то выберет: или блондинку, или шатенку. А может, еще кого-то. Впереди целые три недели отпуска, но ни одна ночь не должна пропасть даром. Гулять так гулять.

Девушки прошли мимо, а он свернул к дому, с южной, фасадной стороны закрытому беседкой, увитой виноградом. Две черешни, одна перед калиткой, другая за ней, во дворе. Игнат, помнится, обрывал черешню и с одного, и с другого дерева. Дядя Валя злился, все ходил жаловаться к его тетке. Ругались они, дядя Валя и тетя Витя, и не только из-за черешни, терпеть, казалось, друг друга не могли. И надо же, уже пару лет живут вместе.

Давно Игнат не гостил у своей тетки. В семнадцать лет в последний раз приезжал. В Хабаровск его судьба забросила, на Дальний Восток, после армии там и остался, учился, четыре года работал, в полноценный отпуск смог вырваться

только сейчас. Погостил пару недель дома у родителей, и теперь вот к тетке, на Черное море. Отдохнуть, погулять, пока молодой. И неженатый.

Он открывал калитку, а тетя Витя в это время выходила на крыльцо. Шестидесят лет женщине, но на бабушку она не похожа. Может, потому что внуков нет. А может, потому что молодится. И прическа у нее современная, и платье с длинными рукавами, и шляпа широкополая. Сколько помнил ее Игнат, она всегда побаивалась солнца. И сейчас, закрыв за собой дверь, тетя Витя первым делом надела шляпу. Только тогда и посмотрела по-хозяйски по сторонам. И взгляд у нее строгий, и выражение лица суровое, но глаза она не щурила, лоб не морщила, кожу берегла. Увидев Игната, обрадовалась, широко улыбнулась и поспешила к нему навстречу.

— Игнат, ну что же ты? Почему телеграмму не дал, мы бы встретили!

Как ни старалась тетя Витя выглядеть молодо, а годы все-таки взяли свое. Не растолстела она, не осунулась, выглядела такой же стройной и бодрой, как раньше. А лицо все же постарело, морщины на лбу, вокруг глаз. И все же для своих лет она выглядела прекрасно. И пахло от нее «Красной Москвой», но никак не огородом, соленой, прожженной солнцем землей. Мама у Игната — женщина городская, на четырнадцать лет младше тети Вити, а выглядит не лучше.

— Да я належке! — Игнат бросил на землю дорожно-спортивную сумку.

— Игнат!

Тетя Витя обняла его, какое-то время стояла, прижавшись и что-то с улыбкой вспоминая. Отстранилась, отошла на шаг и окинула взглядом.

— Красавец!.. Сколько ж лет тебя ждали?

Не зря Игнат жил у тети Вити столько лет, он тоже любил пофорсить. И приборахлиться в дорогу возможность имелась. Фирменные джинсы, кроссовки, черная рубашка из натурального шелка. Верхние пуговицы расстегнуты, цепочка золотая на солнце поблескивает. Звенья крупные, вещь, одним словом.

— Девять, мама Вика!

Тетей Витей Викторию Максимовну называл только Игнат. А так принято было величать ее мамой Викой. Не получилось у тети Вити родить ребенка, бездетная она, а ей так хотелось стать матерью. Потому и к Игнату она относилась как к родному сыну. И просила называть ее мамой. Начиная с пяти лет он каждое лето гостил у нее, целую жизнь, считай, у моря провел.

— Что ж ты так?

— Да работа! Отпуск только зимой! И то всего два раза!

— И что ж за работа такая? — хитро сощурилась тетя.

— Север, мама Вика, север!

Удивительное дело, к северу Хабаровск имел такое же отношение, как Северный Кавказ, но тем не менее. Скажешь, что на Дальнем Востоке работал, никто ничего не понимает, а если на севере зашибал, то никаких вопросов. Но тетя Витя лишь лукаво усмехнулась.

— Ну, понятно!..

Она смотрела на Игната, как будто он на северах мотал срок, только что откинулся и теперь вот на юга пожаловал. Но ничего страшного тетя в том не видела. Она и сама в свое время привлекалась, и муж ее первый сидел. Мало того, тетя Витя всерьез считала, что лучше быть уголовником, чем служить в органах. Во всяком случае, Игнат слышал от нее такие рассуждения.

— Как вол пахал, пора немного отдохнуть, — улыбнулся Игнат.

Не собирався он разубеждать тетю Витю. Да и зачем, если у нее нормальное отношение к блатной романтике, которой он действительно сыт по горло.

— Заработал много. А то если дом строить будешь, с участком могу помочь. — Тетя Витя с иронией смотрела на него.

Ну какой может быть дом, когда на зоне много не заработаешь?

— Да я бы с удовольствием, — широко улыбнулся Игнат.

Построить дом в поселке Морячок — его мечта, осуществление которой отложено до поры до времени.

— Ну тогда или дом строй, или жди, пока мой дома тебе достанутся... — Тетя Витя кивком указала на свои два дома, один за другим расположенные по соседству.

В одном доме она жила с рождения, с родителями, с младшей сестрой. Тете Вите было шестнадцать, когда не стало родителей, она сама тянула на себе сестру, которая уехала в город, едва ей исполнилось пятнадцать. Уехала в Ростов учиться и устраивать жизнь, а через пять лет стала мамой Игната. А тетя Витя осталась жить в поселке у моря. Вышла замуж, развелась. Снова вышла — на этот раз за соседа, который был лет на двадцать старше нее. Вторым мужем умер, его дом отошел ей. Дядя Валя, помнится, спьяну орал на всю улицу, что тетя Витя отравила мужа. Как кошка с собакой они тогда жили. И надо же. Тетя Витя и дядя Валя живут вместе. Возможно, душа в душу. А ведь он сам лет на пять младше нее.

— Но, учти, я помирать не собираюсь! Лет сорок еще поживу!

— Сорок мало, давайте сто! — засмеялся Игнат.

Из наследников у тети Вити только он один. А дома хорошие, один блочный, другой кирпич-

ный. И оба дома тетя Витя сдавала курортникам. Раньше один дом сдавала, а сейчас оба. Этим и жила.

— Я и на двести согласна, — улыбнулась тетя Витя. — Так никто ж не спросит!.. Ох, что ж это мы стоим-то?

Всплеснув руками, тетя Витя схватила сумку и понесла ее к дому — через двор, мимо крыльца. Игнат и хотел отобрать у нее ношу, но не смог догнать. Шустрая она женщина, настоящий метеор.

— А мне Люба звонит, ты, говорит, возвращаешься. Жди! Я комнату приготовила!

Сколько помнил Игнат, дядя Валя занимался виноградарством, и двор у него под навесом из изабеллы, и вокруг дома тенистые беседки. А в огороде целые ряды виноградной лозы, там в основном белые сорта. За черешню дядя Валя мог отругать, а за виноград убить, Игнат это даже в детстве четко понимал. Поэтому за виноградом в соседский двор не лазил. Да и зачем, когда сразу за дорогой начинались виноградные поля, от моря до самых гор. У дяди Вали погреб особенный, там, говорят, бочки стоят, в которых он томил вино. Таинство, покрытое мраком, но сейчас у Игната появилась возможность заглянуть в этот погреб. Одна дверь с южного торца здания вела в комнату, которую тетя Витя подготовила для него. А через другую можно было попасть в

подвал, вход этот охранял большой амбарный замок, но Игнат знал как минимум три способа, чтобы взломать такую преграду. Замки для него не помеха. Только вот не полезет он в винный погреб. Зачем?..

Солнце в зените, южная сторона дома под жарким огнем, но в комнате на удивление прохладно. И виноградные навесы хорошо защищают, и оба окна открыты — южное и восточное, сквозняк отлично проветривает помещение. И комната очень даже ничего: свежие обои на стенах, полы недавно покрашены, шифоньер лакированный отливает отраженным светом, деревянная кровать-кушетка с мягким матрасом. Подушка в накрахмаленной наволочке стоит петушиным гребнем. Но Игнат, хоть и устал с дороги, ложиться не будет. Уж лучше на море сгоняет, тут недалеко. По тропинке вниз к реке, затем короткий, но крутой подъем, снова спуск, и пожалуйста, пляж — покатые камушки. Дно неровное, каменистое, скользкое, зато сразу же глубоко. Там валун крупный в воде, посуху зайти можно, с него хоть «бомбочкой», хоть «ласточкой», хоть кувырком. За девять лет там точно ничего не изменилось. И за девять веков не изменится.

— Давай располагайся. Можешь душ принять.

— А еще что можно? — с намеком улыбнулся Игнат.

— И девушек можно! — погрозив парню пальчиком, засмеялась тетушка. — Если осторожно... Тут за шкафом дверь, все слышно.

— А мы тихо!

— Да нет, это вам будет громко!.. Давай устраивайся! А я пока с обходом. — Тетя Витя кивнула в сторону своих законных владений.

Два дома там, битком набитые жильцами, живыми, можно сказать, деньгами. Пляж здесь отличный, до поселка рукой подать, через мост перейти. Виноградная улица — окраина поселка, или просто отшиб, именно так и называлось это местечко — в девять домов на одной линии у моря. И почти во всех домах курортники. А можно и на поселковый пляж сходить, там народу куда больше. И смазливых девчонок, соответственно. Впрочем, две цыпы в прицел уже попали, далеко ходить не надо, можно прямо сейчас начинать отстрел.

— А вернусь, сразу тебя покормлю. Окрошка, колбаска, все как ты любишь.

— Люблю, — улыбнулся Игнат.

Тетя Витя глянула грустно на него, хотела что-то спросить, но ничего не спросила и вышла из комнаты. Вроде бы и хотела поинтересоваться, как их там, в зоне, кормили, но выглядел Игнат неплохо, точно не похож на голодающего. А кормить хорошо в местах не столь отдаленных не могут. Там человек страдать должен, а не жировать.

— О-о, Лия! — слышался за дверью возглас.
— Да я смотрю, калитка открыта!

Игнат узнал знакомый голос, выглянул в окно, которое выходило во двор, и увидел Лию, подружку дней своих незрелых. Она на два года его младше, сейчас ей двадцать четыре. Уже не юная, но молодая и красивая. Волосы светлые от природы, слегка выгоревшие на солнце, пышная прическа до плеч, темные брови, длинные густые ресницы. И рот у нее широкий, но вовсе не безобразный, как раз наоборот, чувственно красивый. И губы полные, четко очерченные. А взгляд у Лии как привет из глубины целого мира, в который вдруг захотелось переместиться и даже поселиться в нем.

Но пока что сама Лия выселяла кого-то из среды своего обитания.

— У вас комнаты свободной не найдется? — улыбаясь, спросила девушка. — А то у нас уже все занято, а постоялец просится.

Улыбка у нее светлая, как луч солнца. Но луч этот не в ясный день, а в пасмурную погоду. Не видел Игнат прежней наивности во взгляде Лии, чистоты помыслов и телесной невинности. Зато видел золотой зуб в переднем верхнем ряду. Девять лет они не виделись, за это время Лия могла и замуж выйти, и детей родить. Да и за косы жизнь могла потаскать, и в грязь лицом ударить... Но красивая девка, стройная, грудь высо-

кая, упругая. Платье на ней с тонкими бретельками, плечи открыты, видно, что лифчика под ним нет. Бедра не узкие, но и не широкие, тугие; ноги длинные, но это Игнат и раньше замечал. А вот размером груди Лия в пятнадцать лет похвастать не могла, доска два соска — так ее однажды назвал Давид. И еще спросил, зачем она лифчик носит?..

— Да есть комната, есть, — немного подумав, сказала тетя Витя.

Она взяла Лию под руку, разворачивая ее лицом к калитке. Лия скользнула взглядом по окну, в которое смотрел Игнат, увидела его. И ее брови удивленно взметнулись вверх.

А Игнат даже не шелохнулся, стоял, как будто в ступор впал. Он ведь и раньше до женского полу охоч был, ходил с друзьями по набережной, снимал девчонок, Лия же и близко не входила в зону его романтических интересов. Соседка, подружка, кто угодно, но только не любимая девушка. А вот сейчас Игнат стоял и смотрел на Лию чуть ли не с открытым ртом.

Лия заметно смутилась, но улыбка не сошла с ее лица, напротив, стала светлей, взгляд ожил, повеселел. Она помахала ему рукой, только тогда Игнат очнулся и вышел к ней. Их разделяло всего двадцать шагов, если в обход — через дверь.

— Узнал? — весело спросила тетя Витя у парня.

— Да, узнал! — кивнул Игнат.

Он ведь рубаха-парень, Лия помнила это его амплуа. И сейчас он просто обязан подтвердить свою репутацию. Это совсем не трудно. Хотя и боязно...

— Привет!

Он шел, мягко надвигаясь на девушку, плавно притормозил и обнял Лию, практически не касаясь ее. И щеки коснулся губами легко, при этом будто получил разряд тока.

— Привет! — Лия нежно провела рукой по короткому рукаву его рубашки и посмотрела прямо в глаза — мягко и замороженно.

— Пойдем? — спросил Игнат, хитро и беззастенчиво глядя на нее.

— Куда? — Лия спрашивала и у него, и у себя.

Ей и самой хотелось знать, готова ли она броситься в омут с головой? У нее своя жизнь, Игнат всего лишь метеорит в небе — вспыхнет, пролетит и погаснет.

— На камень.

А куда он мог ее позвать, если не на море? Во-первых, он как раз собирался туда. Во-вторых, от Лии головокружительно пахло морем и водорослями, высушенными соленым ветром. И не хотел бы, все равно потянуло бы на пляж.

— Сейчас?

— Ну, можно и ночью.

— Так, я пойду! — Тетя Витя шумно хлопнула себя ладонями по бедрам. — Где там ваш постоялец? — спросила она и, не дожидаясь ответа, направилась к калитке, за которой стояла полная женщина в пышных завитушках на голове и тощий мужик в панамке и почему-то с сачком.

— Я сейчас, — не сводя с Игната глаз, сказала Лия.

— Идем?

— Идем! — кивнула она.

И, поворачиваясь к нему спиной, вскинула правую руку, растопырив пальцы. Она просила пять минут. Ну так и ему нужно надеть плавки.

Лия появилась минут через десять, в том же платье, но в купальнике под ним.

— Извини, опоздала, — улыбнулась она.

— Не знаю, не засекал.

— А внутренние часы?

— Остановил. На время отпуска.

— И надолго... — Лия запнулась. — В отпуск?

Игнат незаметно усмехнулся. Уж не тетя ли наговорила ей, пока устраивали постояльцев? Отмотал срок племянник, откинулся, жизнь новую начинает. Уголовное прошлое в этих местах точно не клеймо, хотя и не путевка в жизнь.

— Надолго. Если совсем отменить время.

— Давай попробуем!

По тропинке вдоль заборов они вышли к обрыву над рекой, тропинка здесь резко уходила

вниз и в сторону. Игнат помнил здесь каждый камушек, каждый поворот, но и Лия знала эту дорогу наизусть. Он подал ей руку, она кивнула, соглашаясь принять помощь, но спустилась, даже не прикоснувшись к нему.

— А Давид тоже недавно вернулся, — сказала она.

Игнат подозрительно глянул на девушку. С чего это вдруг она заговорила о Давиде? Почему именно сейчас, когда он подал ей руку?

— И как он?

Давид жил по соседству с Лией, в прошлом они терпеть друг друга не могли, постоянно выясняли отношения. Но Игнат уехал, а Давид остался. И как там у них отношения сложились, только им известно. Тетя Витя с дядей Валея тоже собачились, и ничего, живут душа в душу.

О Давиде Игнат знал только одно: шесть лет назад парень влетел за ограбление и получил срок. Связался, что называется, с плохой компанией.

— Да хорошо, — пожала плечами Лия.

Они спустились к реке, дальше тропинка тянулась вдоль берега — к морю. Но можно было свернуть и в другую сторону, там тоже пролегал тропинка. И пышные кущи — ива, ольха, орешник.

Лия улыбнулась, вспомнив что-то не очень для себя веселое. Вроде бы и прикол, но вспоминать почему-то не хочется. Игнат тоже вспомнил. Фифа одна у тетки в доме отдыхала, ходила,

задницей здесь вертела. А Игнат уже взрослый, шестнадцать, как-никак. В общем, закрутил он с вертихвосткой, в этих кустах она его и совратила. Сама, можно сказать, набросилась, а он с радостью поддался. Ива там над водой, ствол кривой, толстый, Ноночка прижалась к этому дереву животом, помогла Игнату пристроиться. И на самом интересном месте вдруг появилась Лия. Застукала их, возмущенно хихикнула и убежала. А у него тогда враз желание пропало. М-да.

— Кому хорошо? — останавливаясь, спросил Игнат.

— Кому хорошо? — нахмурилась Лия.

— Давиду хорошо?

— Просто так сказала, что хорошо.

— А я не просто так говорю... что ты красивая. Ты очуметь какая красивая!

— Я знаю... — Девушка попыталась улыбнуться, но у нее дрогнула щека.

Лия знала себе цену, но при этом замороженно смотрела на Игната. Влюбленно и глупо. Как будто он признался ей в любви, а она не могла поверить своему счастью. Но в целом глупой она не выглядела. И в любви ей наверняка уже признавались. И если она отказывала во взаимности, то не всем. Возможно, Давид из этих счастливых. А может, у них все очень-очень серьезно. А тут вдруг Игнат и его внезапная любовь. Лия растеряна, но не оглушена.

— И я ничего не могу с собой поделаться, — сказал он и тут же спросил: — А надо?

— Что надо?

— С собой что-то делать?

— Мы на море идем? — спросила Лия, но даже не шелохнулась, чтобы продолжить путь. Ну и на кусты, в которых когда-то застучала Игната, не глянула.

— Море — это ты! Огромное, бездонное. И пахнешь как море.

Игнат заставил себя сдвинуться с места, наклонился к Лие. Дальше пошло как по маслу. Глядя, как она закрывает глаза, он поцеловал ее в губы. И крепко, крепко прижался к ней низом живота. Его мгновенно охватило желание, и он еще сильнее прижался к Лие.

— Не надо, — с трудом отрываясь от него, пробормотала Лия.

— Тут люди, — кивнул он.

Лия девушка высокая, немногим ниже, чем Игнат, но ему ничего не стоило оторвать ее от земли, взять на руки.

— Ты что делаешь? — Она ударила его по плечу, но засмеялась, глянув на свою ладонь.

Какой у него бицепс и какой у нее кулачок, одно раз в пять крупнее другого. А Игнат всегда держал себя в форме, начиная со школы.

— В том-то и дело, что ничего не делаю. Просто плыву по течению. Давай со мной!

Ива с кривым стволом никуда не исчезла, только ствол стал еще толще, и кора на нем грубая — точно не мягкий матрас. Но Игнат сам полулег на дерево. Приземлил Лию, лег, не выпуская ее руки, потянул девушку на себя. И она навалилась на него. Все произошло так быстро и резко, что у них у обоих захватило дух.

— Игнат! — надсадно засмеялась девушка, барахтаясь на нем.

Одна ветка давила на голову, другая колола в бок, неровности мозолили спину, но Игнат старался не обращать на это внимания.

— Поплыли?

— Ты ненормальный!

Он закрыл ей рот поцелуем, она дернулась раз-другой и затихла. Зато его колотило, как поршень паровоза под критическим давлением, сила желания трансформировалась в движение. Он не стягивал с Лии платье, не мял ее грудь, а слегка оттянул ее плавки. А сам он в коротких спортивных шортах, подол платья накрыл их целиком.

— Я ведь тебя потом убью, — пробормотала она, раскинув ноги в позе наездницы.

— Потом хоть потоп, — входя в девушку, кивнул Игнат.

— Ты даже не представляешь... — Она недоговорила и, принимая предложенный ей ритм, замолчала.

Но ненадолго. Сначала она тихонько постанывала, затем из ее груди вырвался сдавленный крик. А в кустах зашумел ветер. Или это кто-то шумно опустил ветку. Игнат затуманенным взором глянул в сторону, откуда они с Лией пришли. Никого. Но ветки качаются, хотя нет ветра. И где-то за ними мелькнул силуэт человека. Кто-то нарушил их уединение, но спасибо, не поднял шум, а разумно убрался. Спасибо... Спасибо... Еще, еще...

Тогда, десять лет назад, после такого вторжения в уединение с Ночкой, у него пропало желание. Зато сейчас никакая сила не могла остановить Игната. Еще, еще... Быстрее, выше, сильнее!.. Планка поднята высоко, но шест крепкий, упругий, он не должен подвести. Разбег, толчок, рывок — есть! Высота взята!.. Игнат непонимающе глянул на Лию. Или она что-то крикнула про высоту, или эта фраза прозвучала у него в голове. А крикнуть она могла. И крикнула... Крикнула и замолчала, обессиленно упав на него.

— Зачем ты это сделал? — через некоторое время спросила Лия, руками отталкиваясь от его груди.

— Это не я!

— А кто?

— Бес в меня вселился. Через тебя!

— Через меня? — Она улыбнулась, глядя на него затуманенными глазами.

— Можешь меня убить. Мне уже ничего не страшно.

Смешно это или нет, но Игнату казалось, будто он прожил всю жизнь без остатка. Все познал, везде побывал, все, хватит, пора умирать. А ведь Лия — это действительно целый мир, после нее не страшно отправиться на тот свет. Даже после того, как все закончилось. Или все только начинается?

— Давид тебя убьет! — Лия смотрела ему прямо в глаза. Не пугала, не угрожала, всего лишь констатировала факт.

— Давид?

— Если узнает.

— А он узнает?

— Я ему не скажу.

— Ты ему чем-то обязана?

— А ты не знаешь?

— Что я должен знать? — спросил Игнат.

— Ах, да, ты же мною никогда не интересовался, — усмехнулась Лия.

— Как женщиной не интересовался... А сейчас очень даже интересуюсь, — сказал он.

— Только не думай, что со мной так просто, взял и... — Она недоговорила, но заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Не думаю.

— Давид два месяца за мной бегал... А до этого шесть лет... пять лет мне писал...

— Так шесть или пять?
— Год не писал, не решался. А потом решил признаться...

— В чем?

— Давид меня добивался.

— И добился?

— И добился.

— Понятно.

Игнат пошевелился, давая понять, что пора подниматься. Он уже не чувствовал под собой тела, так отлежал все. Но Лия этого как будто и не поняла. Так и продолжала полусидеть на нем, поправив на себе плавки.

— У него все серьезно, — сказала она.

— А у тебя?

— А у тебя игра, — вздохнула Лия. — Пришел, увидел...

— Победил, — закончил за нее Игнат.

— Развезло меня на старые дрожжи.

— На старые дрожжи?

— Я ведь была в тебя влюблена как кошка. — Лия закрыла глаза, пытаясь скрыть смущение.

— И я в тебя влюбился, — сухо, но от души сказал он. — И Давиду тебя не отдам.

Лия распахнула глаза и с надеждой посмотрела на него.

— Не надо.

— Купаться идем?

— Давид может вернуться в любой момент.

— Откуда?

— В командировке он. — Лия отвела в сторону глаза.

— На гастролях? — Игнат смотрел на нее, притягивая к себе взглядом.

И она поддалась, посмотрела на него.

— Не знаю.

— И я ничего не хочу знать, — твердо сказал Игнат.

Лия кивнула, внимательно и оценивающе глядя на него. Давид вовсе не обязан завязывать со старым, если он вор, это его право. А если так, то Игнат и не собирается совать нос в его дела. Если Давид сейчас чистит чьи-то карманы или выставляет квартиры, ему вовсе не нужно знать о том, что произошло. Все правильно, все по понятиям.

— А про тебя хочу знать все, — сказал он.

Лия снова кивнула, резко поднялась, с силой оттолкнувшись от него. И, оправив подол платья, испытующе посмотрела на него.

— Ты в этом уверен? — спросила она.

Игнат поднимался, не сводя с нее глаз. Смотрел плотно, цепко и даже жестко.

— Уверен.

Он заявляет на Лию права. И отбирает ее у Давида, чтобы присвоить себе. И он настроен очень решительно. Потому и хочет знать о ней все. Только так и следовало его понимать.

Лия кивнула. Именно так она его и поняла.

Глава 2

Вода морская, натуральная, как говорит капитан Врунгель. Он-то мог пить ее вместо родниковой воды, Игнат же не настолько просолен изнутри, но купается он с удовольствием. А Лия стоит на камне, смотрит на него, загадочно улыбается. В купальнике она смотрелась великолепно, но Игнат уже изнывал, так хотел увидеть ее вовсе без ничего. Почему бы им не сходить на этот пляж ночью?

А сейчас на пляже люди. И те две девушки, блондинка и шатенка, на которых у него на сегодняшний вечер были планы. Но планы расстроились из-за Лии. Все, хватит, нагулялся, пора и честь знать. Она предложила ему свой мир, Игнат принял его. Все, больше ему никто не нужен. Лишь бы только Лия не вернулась к Давиду. Она не хочет, но все возможно.

Лия уже накупалась, она ждала его. Вторая половина дня, но солнце еще палит, но ее это не пугает. Ее тело уже бронзовое от загара. И даже под купальником кожа подзагорелая. Может, гольшом загорала. Но зачем, для кого?.. Игнат знал дикий пляж, где можно загорать без ничего, но туда долго идти, да и море там мелкое, дно паршивое, и на берегу острые камни.

Игнат подплыл к камню, зацепился за край, с силой выдернул тело из воды. Он и гириями одно

время увлекался, и на турнике «солнышко» крутил как нечего делать — и с гимнастикой дружил, и с атлетикой, как с тяжелой, так и с легкой. Лия задержала взгляд на его татуировке. Череп у него там в пиратской косынке и с черной повязкой на глазу, вместо костей скрещенные сабли. Спрашивать она не стала, а он как будто и не заметил ее интерес. В конце концов, там же не имя другой женщины выколото.

— Пойдем? — спросил он, кивком указав в сторону дома.

Прогулка у них сегодня, выход в город, как говорится. В поселок девушка не захотела, а в Геленджик — очень даже с удовольствием. От поселка на такси всего полчаса пути.

Возвращались они той же дорогой, какой и пришли. На тропинке у реки их ждали. Давид стоял на том самом месте, откуда Игнат сегодня утром утащил Лию в кусты.

Игнат не сразу его и узнал, настолько Давид изменился. Из худосочного паренька с нежными чертами лица он превратился в заматерелого мужчину с жестким взглядом. Высокий, крепкий, черты лица правильные, но загрубевшие на лагерных ветрах, волосы черные, как адова смоль, глаза синие, как дневное небо над Арктикой, такое же морозное и пронизанное ледяными ветрами.

Давид пристально смотрел на Игната, если он пытался его заморозить, то кое-чего добился.

Игнату действительно стало немного не по себе. Давид производил сильное впечатление, отрицать это бессмысленно.

На Игната Давид смотрел с осуждением, а на Лию с презрением. Но из себя не выходил, накопившаяся в нем энергия для взрыва не рвалась наружу, но чувствовалась. А взорваться Давид мог. Драться он особо не умел, но этот недостаток с лихвой компенсировался его бешенством, которое находило на него в схватке с противником. Он запросто мог схватиться за камень, за нож. И пырнуть он мог ножом, Игнат знал как минимум два таких случая. В драках стенка на стенку. Насмерть Давид никого не резал, даже до реанимации дело не доходило, поэтому к ответственности его никто не привлекал. Да и кто бы его сдал? Пацаны с Виноградного любили драться, а стучать — нет. И в Морячке такая же правильная братва... Эх, были времена. И сейчас не лучше. Но Игнат уже в этих сварах не участвует. Да и Давид вышел из глупого возраста. Хотя вряд ли поумнел.

— Ну, здравствуй!

Игнат понимал, что Давид руки ему не пожмет, поэтому пятерню ему не протягивал. И поздоровался сухо.

— Здравствуй, здравствуй... С Лией моей гуляешь?

Лия не вздыхала, даже головы не опустила, но ничего не сказала. Она сравнивала Игната с Давидом, и это сравнение было не в пользу Давида.

— Даже хуже.

— Что хуже?

— Для тебя хуже. Для меня лучше, — усмехнулся Игнат.

— А для нее? — Давид кивком указал на Лию.

Та в ответ лишь цокнула языком. Она-то яблоко раздора, но сейчас не время переводить на нее стрелки. Если Давид все знает, если он начал разговор с предъяв, то сначала нужно спросить с Игната, а потом уже выяснять с ней отношения. А спросить Давид мог, наверняка у него в заднем кармане джинсов находился кнопочный нож. А может, и под штаниной прячется.

— Нехорошо ты поступил, брат, — качнул головой Давид.

— Ну, во-первых, я не знал.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я бы все равно закрутил с Лией.

— Влюбился?

— Может быть.

— Понимаю... Сам думал, что лучше биксы нет.

— Она не бикса! — угрожающе нахмурился Игнат.

С одной стороны, бикса — это всего лишь красивая девушка. Коза, бикса, чувиха. Но в уголовном мире биксами называют шалав и проституток...

— Ты много чего не знаешь, пацан, — едко усмехнулся Давид.

— Узнает! — резко глянула на него Лия.

— А я чистую девочку нашел. В Новороссийске.

— Флаг в руки! — Лия шлагбаумом опустила руку в западном направлении.

— Не знал, как тебе сказать. А теперь и говорить не надо, — одними губами усмехнулся Давид.

— Давай, давай! — Лия повторила жест.

— Зря ты с ней связался, — зло, но без наезда сказал Давид.

Повернулся к Игнату спиной, сунул руки в карманы и пошел, изображая полнейшее равнодушие к происходящему. А задний карман брюк оттягивало что-то похожее на нож.

Лия стояла не шевелясь. Давид поднялся вверх по склону, только тогда Игнат посмотрел на нее. Она вздохнула, заметив его взгляд, и побрела вдоль реки в сторону от моря. Остановилась возле знакомой ивушки, оперлась на ствол рукой. Игнат подошел, остановился напротив. Он ничего не сказал, но Лия почувствовала вопрос.

— Я с Молчаном жила, — тихо сказала она.

Игнат кивнул, принимая объяснение. Знал он, кто такой Молчан, фигура в уголовном мире серьезная. К тридцати годам он имел две ходки по воровским статьям, в тридцать шесть его короновали, а еще через два года убили где-то на Тайшетской пересылке. А брали его здесь, в Морячке, на продаже краденого автомобиля взяли. Все это Игнат знал. А то, что сказала Лия, нет.

— В «Морячке» работала официанткой, а там, ты знаешь, блатные бывают. Какой-то урод докопался, Молчан заступился, ну и...

— Понятно.

— Два года с ним жила.

— Ну да.

В ресторане Лия работала, с блатными хороводила. Может, и сама блатная кошка. Есть в ней что-то такое зубастое и царапистое, хотя и не злое. Но развратное. Игнату как с добрым утром отдалась, под купальником кожа у нее загорелая, может, она не только официанткой работает. Девушка она красивая, и блатным нравится, и курортникам. Может, не зря Давид ее биксой назвал.

— А в прошлом году его закрыли.

— И убили, — кивнул Игнат.

— Слышал? — с интересом глянула на него Лия.

— Он же в законе, слухи распространяются быстро.

— И я сейчас в кабаке работаю. И сейчас там блатные... Думаешь, кто-то пристаёт? Нет!.. Уважают!..

— Я пристаю.

— А если судьба у меня такая?

— Какая?

— А Молчан, Давид... Ты!.. Или ты такая же судьба, как ветер в голове? — едко усмехнулась она.

— Только Молчан? Только Давид?

— Ну был еще один, до Молчана... Курортный... Мне тогда девятнадцать лет было, так мозги закрутил... С тех пор я курортников седьмой дорогой... Да и раньше обходила... — пожалала плечами Лия. И вдруг жестко глянула на Игната. — А ведь ты думаешь, что я шмара какая-то!

— А давай сегодня в «Морячок» сходим?

— Зачем?

— А посмотрю!

— Как меня снимают?..

— А тебя снимают?

— А пойдем сегодня в «Морячок»!

Лия резко поднялась и, задев Игната плечом, взяла обратный курс. Догонять он ее не стал и домой отправился в одиночку. И ей успокоиться надо, и ему мысли в порядок привести.

Дядя Валя уже вернулся домой с работы. Он командовал тракторной бригадой на винограднике и дома вел себя как начальник. Увидев Игната, он внутренне подобрался, приосанился, нахмурил брови. И руку пожал, вопросительно глядя ему в глаза. Крупный он дядька, сильный, рукопожатие крепкое, но кости у Игната не затрещали. У него у самого хватка железная, тренированная. Вольной борьбой с младших классов занимался, затем на самбо перешел.

— Накупался? — спросил дядя Валя.

Он и сам после душа, голова мокрая, сам пахнет мылом, на плече полотенце.

— Купался, — кивнул Игнат. — Но еще не наелся.

— На три недели, говоришь, приехал?

— На три недели.

— А потом?

— Потому уеду.

— И не останешься?

— А надо?

— Да нет... Деньги есть?

— Хотите одолжить?

— А ты не хочешь?

— Я на свои живу.

Дядя Валя хотел сказать что-то не очень приятное, но увидел мужчину, который стоял за калиткой.

— Началось! — хлопнув Игната по плечу, он направился к незваному гостю, который стоял, слегка покачиваясь, будто от ветра. Он держал за руль велосипед.

Качало мужика, а ветра нет. Физиономия у него распаренная, красная, и дело тут не только в солнце. Под градусом он, причем прилично. А ведь на велосипеде ехал.

— Ну чего тебе? — громко спросил дядя Валя.

— Валентин Георгиевич! — донеслось из-за калитки.

— Что Валентин Георгиевич? Я уже пятьдесят пять лет Валентин Георгиевич!

— Зоя просила!..

— Опять просила!

Дядя Валя вышел за калитку, взял мужика за плечо и повел к дороге вместе с велосипедом.

Откуда-то появилась тетя Витя, подошла к Игнату. И у нее полотенце через плечо, но вместе с тем и тарелка в руке. Видно, из летней кухни вышла, посуду мыла-протирала.

— Что он тебе сказал? — глядя вдаль, спросила она.

— Да ничего... Кто это?

— Да Гена, зять Валентина, муж Зойкин.

Игнат кивнул. Зойку он знал и помнил ее взрослой девушкой. Которая гуляла с такими же взрослыми парнями. Гуляла, пока не нагуляла.

Дядя Валя, помнится, на всю улицу кричал, проклиная дочь.

— В Виноградном живут... — Тетя Витя повела рукой в сторону от поселка.

Не зря их улица называлась Виноградной. И виноградники у них здесь, и связывала улица два поселка. Километров пять-шесть от Морячка до Виноградного, место там неплохое, в межгорной долине, но до моря не очень близко.

— Опять просить приехал, алкаш несчастный!

— Денег?

— И денег тоже... И вина, и денег...

Дядя Валя с зятем не церемонился, вывел его на дорогу, посадил на велосипед и даже пнул вслед, видно, хотел ударить по колесу, но решил этого не делать. Зять пьяный, если упадет, убится может.

— И часто так?

— Да вот как чувствует!..

— Что чувствует?

Тетя Витя не ответила, она пошла навстречу дядя Вале, собираясь у него что-то спросить.

Игнат отправился в летний душ. За весь день вода в железном баке нагрелась чуть ли не до точки кипения. В кабинке душно, вода горячая, мыться не очень приятно, зато потом ощущение блаженства. Но недолгое. Навалились сомнения, на душе стало беспокойно.

Лия девушка красивая, просто огонь. Но мог ли Игнат связать с ней дальнейшую жизнь? А ведь она не просто хочет погулять с ним, ей серьезные отношения нужны. И она ясно дает это понять. Нагулялась, молодость проходит, пора замуж, пока не поздно. А Игнат сопли перед ней распустил, в любви, считай, признался. Может, назад повернуть?

Он шел через двор, за оградой по дороге шли те самые девушки, которых он видел утром. С пляжа возвращаются, наверняка строят планы на вечер. Может, перехватить их и в поселок рвануть? Там базы и дома отдыха, дискотеки для курортников, кафе-мороженое и тому подобное... Только вот не нужна ему ни блондинка, ни шатенка. Все мысли о Лие.

Она появилась в девятом часу, солнце уже зашло, над улицей сгущались сумерки. Волосы начесаны, губы ярко накрашены, нарядное платье сидит как на манекенщице, босоножки на шпильках. Игнат вышел к девушке, что называется, при полном параде. Она как ни в чем не бывало взяла его за руку, от нее пахло дорогими духами, и не «Красной Москвой». Неужели духи французские? Может, подарок от Молчана? Или от кого-то из его дружков.

Река узкая, мелкая, но пойма широкая, мост длинный, метров двадцать, не меньше. Крепкий мост, сваренный из железных труб, но пешеход-

ный, по нему даже на мотоцикле ездить не рекомендовалось. На середине моста Игнат остановился, развернул Лию к себе и крепко прижал, обнимая за нижнюю часть спины.

— И что дальше? — с улыбкой спросила она.

Игнат смотрел ей в глаза, и Лия отвечала ему тем же.

— Смотрю на тебя!

— Вижу, что смотришь.

— И я вижу. Всю свою прежнюю жизнь вижу.

— И что?

— Хочу увидеть будущее.

— Попробуй! — сказала девушка, настороженно глядя на него.

Игнат кивнул и поцеловал ее в губы. Под ногами шумела река, и ему вдруг захотелось оказаться в настоящей горной реке, чтобы несло, кружило, тянуло на дно, а ему нужно было бороться, барахтаться, чтобы не утонуть.

Он отстранился от Лии и снова посмотрел ей в глаза.

— Увидел? — спросила она.

— Увидел... Мы с тобой у реки. На одном берегу.

— На одном?

— А рядом лодка. Мы можем сесть и уплыть.

Вместе.

— А кто на веслах?

— Я, разумеется.

— Тогда поплыли! — Она засмеялась и взяла Игната под руку.

Ресторан «Морячок» размещался на втором этаже универсама, к нему примыкала открытая веранда, куда вела отдельная, не связанная с магазином лестница. Внутри ресторана жарко, а на веранде прохлада и вид на море, поэтому столики здесь высоко ценились. Три уже заняты, а четвертый под заказ. Смазливая официантка убрала табличку и лукаво улыбнулась Лие. Думала, что Игнат не заметит.

— Подруга? — спросил Игнат, когда девушка исчезла в ресторане.

— Подруга. Рита. — Лия выразительно посмотрела на него.

«Еще о друзьях-любовниках спроси!» — говорил ее взгляд.

А дружки могли находиться рядом. За одним столиком сидела компания: два парня развязного вида и симпатичная, глуповатого вида девушка с кулоном поверх водолазки. Одного парня Игнат узнал, но виду не подал. За другими столиками отдыхали курортники, за первым одна пара, за другим сразу две. Эти вели себя скромно, по сторонам не глазели, в то время как Бондарь сразу же стрельнул глазами в сторону Лии. И даже подмигнул ей, как показалось Игнату.

Заметил Бондарь и его самого, какое-то время разглядывал, развалившись на кресле, затем

поднялся и развязной походкой, с сигаретой в руке приблизился к ним.

Бондарь дружил с Кенарем, главным заводилой Морячка. Игнат, помнится, как-то крепко подрался с Кенарем, а затем, как водится в таких случаях, также крепко с ним подружился. И вместе с ним ходил бить виноградовских. И курортникам доставалось. Приезжих тоже ходили бить, если вдруг на горизонте появлялась достойная компания. С азербайджанскими студентами как-то сцепились, ребята приехали на практику, а Кенарь натравил на них братву. Хорошо, милиция тогда нагрянула, всех разогнала. А то за драку на межнациональной почве можно было срок получить.

— Лия, привет! — весело и небрежно поздоровался Бондарь.

Девушка качнула головой, давая понять, что ему здесь не рады.

— Я ненадолго!

Бондарь подсел к Игнату, повернулся к нему. Сначала затынулся, затем спросил, удерживая во рту дым:

— Я тебя знаю?

— Это Жуков Игнат. — Лия снова качнула головой, кивком показав Бондарю на его столик.

— Жук?! — воскликнул Бондарь. — Ну конечно, Жук!.. А я смотрю, знакомое лицо!

— Здорово, Бондарь! — Игнат улыбнулся ему, как старому знакомому или даже лучшему другу, но руки не подал.

Как ни крути, а пацан вел себя неприлично.

— Давно тебя не было!

— Я всегда был. Но не здесь.

— А-а!.. Слышал, слышал!..

Игнат и глазом не моргнул. Хотя и догадался, о чем шла речь. Все почему-то думали, что он мотал срок.

— Все там будем... А у вас тут еще ничего? — Бондарь очертил пальцами круг над столом.

Заказ еще не подали, водочки не выпить.

— Все будет.

— Да, будет... А ты сейчас как? — спросил Бондарь, немного подумав.

— Нормально.

— И я нормально... У нас тут одно дело нарисовалось...

— Я не при делах, — качнул головой Игнат.

— Да?! Ну хорошо.

— Как там Кенарь?

— А ты с ним не пересекался?

— Он по какой бухгалтерии?

— По бухгалтерии?! А-а, ну по рубль сорок четыре!..

Бондарь хотел сказать еще что-то, но появилась официантка, подала водку в графинчике, минералку, расставила тарелки. Бондарь наблю-

дал за ней, пьяно о чем-то думая, затем поднялся, обнял ее за талию. Девушка дернулась, как будто через нее пустили электрический ток, резко повернулась к нему и выстрелила взглядом. И этим сильно смутила пацана.

— Все-все! — отгораживаясь от нее руками, Бондарь сдал назад, вернулся за свой стол.

— Баклан! — тихо, но возмущенно произнесла Лия так, будто это ее пытались облапать.

Уже подали горячее, когда появились некие темные типы с мутными взглядами. Сначала прошел один: вихляющей походкой, клешем, как метлами, метет, правая рука манерно откинута в сторону, пальцы перебирают воздух, воображаемая финка в них крутится. Высокий, тощий, но не доходяга. Двое других и постарше, и посolidней, и одеты не так старомодно. Один в кепке, другой лысый и в клетчатом пиджаке, и это в тридцатиградусную жару. Лысый глянул по сторонам, заметил Лию, кивнул ей и, скользнув взглядом по Игнату, что-то сказал своему спутнику. Тот притормозил, глянул на Лию, на Игната, но ничего не сказал.

Игнат не стал спрашивать, кто эти типы, и без того все ясно. Да и знать он их не хотел. А если вдруг захотят познакомиться, он, так уж и быть, примет вызов. И будь что будет.

— Баштан это, — тихо сказала Лия, когда тройца исчезла в сумраке зала.

При этом она не уточнила, кто из троих Баштан.

— За любовь? — Игнат поднял рюмку.

— Если Баштан под марафетом, нам лучше уйти.

— Что так?

— Водка на «марфу» ложится плохо. Любовь может проснуться. К Молчану. Он сейчас за него, а я тут такая вся с кавалером.

— Пусть привыкают!

— Ну, я-то не против... Но все-таки нам лучше уйти.

— За любовь! — Игнат снова поднял рюмку.

Они выпили раз, другой, после третьей рюмки его слегка зацепило. Он заказал сигареты, официантка принесла пачку дефицитного «Мальборо». По блату, разумеется.

— Я так обычно не курю, — сказал он.

— Только когда выпью, — улыбнулась Лия.

— Вот!

— А пью, когда в карты проиграю, — продолжила она.

— Я в карты не проигрываю... А сегодня выиграл! Тебя!

— В карты?

— У судьбы в рулетку.

— Тогда мне тоже можно, — сказала она, на маникюрным пальцем выцарапав сигарету из пачки.

От Лии не пахло табаком, когда он ее целовал, значит, если она курила, то, как и он, от случая к случаю.

От крепкой сигареты приятно закружилась голова. Игнат выпил, снова закурил, а Лия даже не глянула на пачку. Ей хватило и одной сигареты.

— Может, пойдём? — спросила она.

— Нет.

Не собирался Игнат бегать от уголовников. Да и не мог он ударить в грязь лицом перед Лией. Не такая уж она и плохая, как он мог о ней думать. Ну жила с вором, но так это не от хорошей жизни. Красивая она девка, все норвят к ней под юбку залезать, а Молчан — это какая-никакая, а защита. Да и почему она должна от мужиков бегать? Разве она обещала ждать Игната?..

Графинчик опустел, Рита пошла за вторым, но вместо нее появился тот самый тип с воображаемым ножом в руке. Он все также перебирал пальцами, мало того, шевелил губами, как будто что-то говорил. Лицо узкое и сушеное, как у воблы. Сходство с воблой еще больше придавали безжизненные глаза навывкате.

— Тебе чего? — спросил Игнат.

Сушеный возмущенно распахнул и без того вытарашенные глаза.

— Ты кто?

— Кто я по жизни? Или кто я Лие?.. Я ее парень! А она моя девушка.

— Борзый?

— Хочешь поговорить? — поднимаясь, спросил Игнат.

Сушеный кивнул, повернулся к нему спиной и направился к лестнице. Все бы ничего, но в его руке появился настоящий нож, и он не просто с ловкостью крутил его, а жонглировал им.

— Игнат, не надо!

Лия схватила его за руку, но Игнат пронзительно глянул на нее. Не дело это — влезать в чужие разборки. Тем более что она это прекрасно знала. Сушеного она останавливать не собиралась.

— Он там не один! — бросила вслед Лия.

Игнат кивнул. Ресторан можно было покинуть и через пожарный ход, возможно, сушеный уже кого-то снарядил себе в помощь. Вряд ли Баштана, скорее всего, какую-нибудь сявку.

Главная лестница выводила на освещенную площадь с фонтаном, за которым спокойно следовал себе пеший милицейский наряд. И никто из патрульных даже не глянул в сторону ресторана.

Сушеный завел Игната за лестницу, в узкое и темное пространство, с трех сторон огражденное стеной универмага, воротами во внутренний двор и складом. Идеальное место для разборок. И поножовщины. Со смертельным исходом.

Сушеный развернулся к Игнату, повел перед собой рукой, в которой крутился нож.

— Борзый! — Он уже не спрашивал, а утверждал.

И нож в руке вдруг перестал вращаться. За спиной у него появился лысый в клетчатом пиджаке и с зажигалкой в руке.

— Лийка его девушка, — передразнивая Игната, ухмыльнулся сушеный.

— Лия!

— Сказано Лийка — значит Лийка! — нагнулся на него лысый, закрывая собой сушеного.

Игнат не шарахнулся, не отступил, но и боевую стойку не спешил принимать.

— Лия!

— Талый! — Лысый вдруг ушел в сторону, а из-за его спины появился сушеный с ножом в руке.

И прямо в Игната. Удар быстрый, но не прицельный, куда попадет. А удар ножом — это не всегда верная смерть. Нужно очень постараться, чтобы с одного удара вывести человека из строя и уж тем более убить его. Опасен внезапный удар, нанесенный рукой профессионала. А в бою, когда нет возможности хорошо прицелиться и вложить в удар всю силу, нож не всегда опасен. Все это Игнат знал и понимал, в том числе и как обороняться от ножа.

От первого удара он уклонился, а второй заблокировал, подставив скрещенные руки. Сушеный рванул назад, кончик ножа царапнул Игната по руке. Но тем не менее ударную руку он поймал, взял в захват. И одновременно въехал ногой лысому в колено, чтобы тот не помешал провести прием.

Захваченную руку он взял на излом, заставив сушеного взвыть от боли. Но за нож схватился лысый. В этот момент и появился милицейский патруль.

Лысый не растерялся, услышав свисток, отбросил в сторону нож и хлопнул в ладоши.

— Что такое? — сурово спросил усатый старшина ростом под два метра.

Игнат узнал его, этот дядя Степа — милиционер брал его за драку с приезжими. Десять лет назад это было, а старшина внешне практически не изменился, такой же рослый, басистый, грозный. И даже в прежнем звании. Игнат вспомнил его фамилию — Самойленко.

— Да вот, старшина, на людей бросаются! — Лысый ткнул пальцем в Игната, который по-прежнему держал его дружка в захвате.

За спиной у патрульных появилась Лия. Но ничего не сказала. Она молча и с восторгом смотрела на Игната. Старшина Самойленко тоже смотрел на Игната так, будто припоминая, где он его видел, и он узнал его.

— Жуков?

Игнат отпустил сушеного, тот замахнулся на него, но, глянув на старшину, сдал боком к своему дружку.

— Нападаешь? — спросил Самойленко.

— А то ты не знаешь, кто это? — Игнат кивком указал на Талого, который водил пальцем по горлу, показывая, какая участь ожидает борзого смельчака.

— Я знаю, кто такой ты!..

Старшина глянул на своего напарника, тот расчехлил наручники.

— Сам пойду, — буркнул Игнат.

Он видел, что наряд пеший, а идти в участок на глазах у всего поселка ему вовсе не хотелось. Вышел он уже из того возраста, когда привод в милицию считался геройством.

— Пойдешь!

Все бы ничего, но сушеного и лысого старшина задерживать не стал. Хотя и не отпускал их. Они просто исчезли, растворились в темноте, а старшина этого как бы и не заметил. Ясно же, не захотел с блатными связываться.

Игната действительно повели в участок пешком. И Лия увязалась за ним.

— Журавлева! — поморщился Самойленко.

Он и Лию знал по фамилии, но Игната это не удивляло. Хотя и напрягло. Может, он знал ее

как блатную кошку, как содержательницу воровского притона или даже проститутку.

— Пусть с нами идет, — глянув по сторонам, сказал Игнат.

Ни Талого поблизости, ни его дружка не видно, вроде бы все спокойно. Никто не пытается схватить Лию, затащить ее в кусты — на расправу.

— А чего это ты раскомандовался? — одернул Игната старшина.

— А чего это вы его повязали? — возмущенно спросила Лия. — Игнат никого не трогал, на него наехали!

— Разберемся!

Участок находился неподалеку от ресторана, в небольшом двухэтажном здании, со всех сторон обнесенном забором из железных прутьев. Игнат помнил время, когда это здание только строилось и он, тогда еще мальчишка, был в нем с пацанами. И отделение милиции здесь размещалось, и паспортный стол. Игнат имел представление о штате поселковой милиции. Начальник поселкового отделения, следователь, дознаватель и инспекторы, в том числе уголовного розыска. И охрана общественного порядка — несколько патрулей, поселок-то курортный. Вряд ли за десять лет здесь что-то изменилось. Инспекторов упразднили, вернули оперуполномоченных, но это не более чем смена вывески, суть осталась прежней.